УДК 398.1
ББК 82(3)2

От исторического имени к топонимической легенде: трансформация исторического сюжета в современном фольклоре

Аркадий Хаимович Гольденберг
(Волгоградский государственный социально-педагогический университет: Российская Федерация, 400005, г. Волгоград, пр-т им. В. И. Ленина, д. 27)

Аннотация. *В статье анализируется трансформация сюжета о гибели героя исторической песни «Щелкан Дудентьевич» в современной топонимической легенде о реке Щелкан, бытующей в Волгоградской области. Она рассматривается как процесс вторичной фольклоризации, отражающий влияние книжного знания на порождение нового фольклорного сюжета о бесславной смерти в реке золотоордынского баскака Щелкана. Сюжет ранней исторической песни о его убийстве жителями Твери в 1327 г. сначала встречается в древнерусских летописях, затем излагается в исторической литературе, вузовских и школьных учебниках. В современном фольклоре он радикально трансформируется в жанровом поле топонимической легенды. Книжное знание создает семантический ореол вокруг исторического имени, который стимулирует порождение новых сюжетов, связывающих мифологию локального ландшафта со знаменательными событиями национальной истории. Выявляется роль монголо-татарского наследия в гидронимике Волгоградской области и мотивируются возможные причины прикрепления образа конкретного исторического лица к мифологии местного ландшафта. Легенда о его потоплении стала предметом народной молвы, в которой образ Щелкана мифологизируется: он становится духом реки, ее «хозяином». Основными источниками распространения легендарного сюжета являются школьные учителя и краеведы. На них указывает большинство информантов. Косвенное влияние могли оказать археологические раскопки золотоордынских захоронений на р. Щелкан. При всех сюжетных различиях исторической песни и топонимической легенды о смерти Щелкана у них есть общее художественное свойство — иронический тон в изображении его гибели. Показывается, что в новом жанровом и сюжетном контексте современный фольклор остается верен традиции, сохраняя художественные принципы изображения исторического персонажа.*

Ключевые слова: *Щелкан, историческая песня, топонимическая легенда, неявное пародирование, трансформация, вторичная фольклоризация.*

Дата поступления статьи: 25 января 2023 г.

Дата публикации: 25 сентября 2023 г.

Для цитирования: *Гольденберг А. Х.* От исторического имени к топонимической легенде: трансформация исторического сюжета в современном фольклоре // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 3. С. 124–133.

DOI: https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.3.010

В 1327 г. в Твери произошло восстание против татарского баскака Чол-хана, именуемого в русских летописях Шевкалом, а в народной песне Шолканом, Щелканом Дудентьевичем (Дюдентевичем). Творивший, как и прибывшие с ним ордынцы, надругательства и насилие над жителями Твери, он был заживо сожжен горожанами в княжеском дворце вместе со своей свитой.

Это событие нашло отражение как в летописных источниках, так и в песенном фольклоре. Баскак стал центральным персонажем песни «Щелкан Дудентьевич» — одной из самых ранних русских исторических песен. Кульминацией песни является описание гибели баскака. В одних версиях он разорван пополам «удалыми братьями Борисовичами», в других — брошен поперек живота об землю около Красного села богатырем с загадочным именем Дютькозлять, в третьих его смерть только предсказана сестрой Марьей Дудентьевной как наказание за убийство собственного сына ради «Твери богатой» [Русская историческая песня 1987, 47–55].

Сюжет песни не раз сопоставлялся с летописными повестями о Тверском восстании 1327 г., в частности, с древнерусской «Повестью о Шевкале», отмечалась его близость к конкретным историческим фактам, свидетельствующая о том, что песня была создана по свежим следам событий [Воронин 1944; Путилов 1958; Будовниц 1960; Азбелев 2008]. Явным расхождением с ними являются вымышленный рассказ об убийстве Щелканом сына как условие получения Твери от хана Азвяка/Узбека и описание благополучных последствий антитатарского восстания — «ни на ком не сыскалося». В первом случае перед нами имеющий балладную окрашенность фольклорный мотив «испытания на жестокость»[1], во втором — характерное для исторической песни стремление улучшить историю, выдать желаемое за действительное.

Вопреки оптимистическому финалу песни, убийство татарского баскака и его воинов имело тяжкие последствия: Узбек направил в Тверскую землю большой карательный отряд — «Федорчукову рать», которая «и людей множество погубиша, и иныа в плен поведоша, а Тверь и вся гради огнем пожгоша» (цит. по: [Будовниц 1960, 379]). К отряду, как подчеркивает та же летопись, по воле хана присоединились и давний соперник Твери московский князь Иван Калита, «получивший ярлык на великое княжение, и князья суздальские» [Там же].

В народной памяти, отраженной в фольклоре, имя Щелкана связывалось с золотоордынским периодом русской истории. Шевкал, он же Чол-хан, он же Щелкан — по одним источникам — двоюродный брат верховного правителя Золотой Орды Узбек-хана, по другим — его племянник — в 1327 г. был направлен послом в Тверь. В начале песни он изображен как баскак, занимающийся взиманием дани, отдаваемой Золотой Орде. Песня не только рисует портрет безжалостного сборщика дани, но и показывает бесчинства завоевателей, тяжесть их гнета для жителей Руси. Убийство Щелкана тверичами вылилось в первое масштабное восстание против ордынского владычества.

События 1327 г. нашли отражение в Тверском сборнике, Рогожском летописце и ряде других источников. По основному рассказу Тверского сборника, Чол-хан со многими татарами явился в Тверь, поселился во дворце великого князя Александра Михайловича, изгнав оттуда его владельца. Как поется в песне, Чол-хан стал «вдовы-та бесчестити, / Красны девицы позорити, / Надо всеми наругатися, / Над домами насмехатися» [Кирша Данилов 1977, 26]. Примеру баскака последовали и его воины. Народ стал жаловаться великому князю, но тот велел терпеть. Однако хватило малейшей искры — татары отняли у дьякона Дядько «кобылицу младу и зело тучну», — чтобы вспыхнуло восстание против угнетателей и насильников.

В более поздней, Никоновской летописи XV в. изложение событий в Твери дополнено вымышленными фактами: якобы восстание возглавил сам князь, который

[1] Б. Н. Путилов полагал, что это отзвук борьбы за власть в Золотой Орде, сопровождавшейся убийствами родственников хана, потенциальных претендентов на престол: «Известно, что Узбек пришел на ханский престол через убийство наследника умершего хана и 120 царевичей. Правление Узбека было ознаменовано многочисленными убийствами его соперников и врагов, совершенными самым коварным образом» [Путилов 1958, 55].

собрал и вооружил горожан. Летописец, желавший возвеличить тверскую династию, сообщает о коварных планах Шевкала избить тверских князей, самому «сести на княжении во Твери, а своих князей татарских хотя посажати по русским градом, а христиан хотяще привести в татарскую веру» (цит. по: [Будовниц 1960, 379]). Эта летописная версия противоречит историческим свидетельствам о веротерпимости правителей Золотой Орды, в том числе и Узбека, пославшего своего баскака в Тверь. Неоднократные обращения летописцев к Тверскому восстанию и личности Шевкала говорят о том, что они оставили глубокий след в национальной исторической памяти.

Показательно, что, в отличие от летописей, песня наделяет своего героя отчеством Дудентьевич. Оно было призвано напомнить еще об одном трагическом событии русской истории. Чол-хан был сыном ордынского царевича Тудакана (Тудана, Дюденя, Деденя), брата хана Золотой Орды Токты (1291–1312), который попал в русские летописи как предводитель «Дюденевой рати». Дюдень в 1293 г. привел на Северо-Восточную Русь огромное войско («рать»), разорившее почти полтора десятка русских городов. «Общее число взятых и разоренных Дюденем городов — по мнению исследователя военно-политической истории Золотой Орды — прямо свидетельствует о самом страшном погроме Северо-Восточной Руси после нашествия Бату» [Егоров 1985, 186]. Таковы были последствия похода отца Чол-хана на Русь.

Во всех немногочисленных записях песни (наиболее полная версия представлена в сборнике 1818 г. «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым») смерть Щелкана приурочена к событиям в Твери.

Иную трактовку судьбы ордынского баскака дает топонимическая легенда о названии р. Щелкан, бытующая в Руднянском районе Волгоградской области. Она связывает этот гидроним с гибелью в реке Щелкана и его войска: «*По правде говоря, никто точно не знает, почему наша речка называется Щелкан. Версий много, но чаще всего рассказывают историю про посланника монгольского хана — Щелкана, или Чол-хана. Во времена татаро-монгольского нашествия Щелкан проходил через наши края в Москву, или возвращался из Москвы, а тут — река поперек пути. Посмотрел Щелкан налево-направо и решил переплывать, а войско устало, кони устали, полезли они в воду да там все и утонули. И разнеслась байка по всем ближним поселкам, что речка утопила врага нашего. С тех пор место, где, по рассказам, утонуло монгольское войско, стали называть Щелканом*» (Зап. от Владимира Алимпиевича Гончарова, 1947 г.р., р.п. Рудня, Руднянский р-н, Волгоградская обл. Соб. Т. А. Гончарова. 2018 г.)[2].

Щелкан — левый приток Терсы, который гидрологи относят к Донскому бассейновому округу. Исток реки находится на территории Саратовской области. Длина реки 122 км, по территории Волгоградской области течет на протяжении 83 км. Впадает в Терсу в районе рп. Рудня. Фиксируется на картах с 1745 г. (Атлас Российский). Народная этимология, согласно словарю М. Фасмера, сближает слово *Щелкан* с глаголом *щелкать*. Там же дается отсылка к фольклорному и историческому персонажам, носящим это имя: «татарский богатырь (в былинах), др.-русск. Шевкалъ (Псковск. 2 летоп. под 1327 г. и др.; см. Соловьев, Ист. России I, 917 и сл.) — татарский посол Чол-хан, двоюродный брат хана Узбека, который в 1327 г. творил произвол в Твери и был за это умерщвлен)» [Фасмер 1973, 500–501]. По предположению исследователя волгоградской топонимики И. Г. Долгачева название реки, помимо приведенных у Фасмера источников, восходит к диалектному значению слова *щелкан — прыгун, скакун*, зафиксированному у В. Даля, и может быть ассоциативно связано с быстрым и неровным течением реки [Долгачев 1989, 37]. Эту версию поддерживают и авторы словаря гидронимов Волгоградской области [Крюкова, Супрун 2002, 209]. Составитель топонимического словаря Саратовской области однозначно прикрепляет название реки «к искаженному имени татарского начальника Чолхан» [Козинец 2015, 212].

[2] Полевые материалы, приведенные в статье, хранятся в Фольклорном архиве кафедры литературы и методики ее преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Топонимические легенды и предания, связанные с историческими лицами и событиями, в отличие от исторической песни, редко отталкиваются от конкретных исторических фактов. В них, по мнению современного исследователя, «генерализуется идея корректировки истории» [Голованов 2012, 33]. Мифология ландшафта отражает народные представления о тех или иных персонажах и периодах русской истории, в том числе о ее золотоордынской эпохе. Она оставила многочисленные следы в топонимике Нижнего Поволжья. Здесь была столица Золотой Орды — Сарай (Сарай-Бату, Сарай-Берке), пути в нее вели через территорию нынешней Волгоградской области. Неудивительно, что на ее карте сохранилось большое число татаро-монгольских топонимов. Немало среди них и гидронимов, имеющих тюркское или монгольское происхождение. Арчеда (от *арча* — можжевельник, тальник), Ахтуба (от *ак-тюбе* — белое дно), Кумылга (от *кум* — песок, *елга* — влага, река), Терса (от *тер-су* — южная река), Царица (от *сары-су* — желтая вода), Цимла (от *цимлы* — травянистая) (см.: [Крюкова, Супрун 2002, 38, 121, 186, 196, 199]). Эти и многие другие географические названия остались в языке памятниками эпохи татарского влияния на все сферы жизни в междуречье Волги и Дона. Его материальные следы обнаружили археологические раскопки на Щелкане. В 1924 г. экспедиция под руководством профессора Саратовского университета П. С. Рыкова раскопала курган с основным погребением эпохи Золотой Орды у р. п. Рудня. Там же, судя по найденным ранее саблям и колчану, местными жителями было раскопано погребение золотоордынских воинов [Арзютов 1926]. Долгое время этот археологический комплекс рассматривался в качестве «одного из эталонных золотоордынских памятников Нижнего Поволжья» [АЭ 2016, 221].

В топонимических легендах и преданиях Волгоградской области с эпохой татарского владычества связаны сюжеты об утонувших девушках или женщинах, давших названия местным рекам. Их персонажи — это татарская девушка Туба, упавшая в воду по неосторожности (р. Ахтуба), или безымянные дочь и жена Батыя (царевна и царица), преследуемые ханом за любовь к русскому юноше или за стремление принять христианскую веру (р. Царица) [Минх 1902, 1094]. По сходной сюжетной модели построены предания о гидронимах соседней Воронежской области (р. Тойда, Усмань, Хава, Анна, Тахтарка) [Орлова 2004; Карасева 2011].

Как попытку привязать местный топоним к известным событиям и героям российской истории можно рассматривать легенду о происхождении названия города Урюпинска, широко тиражируемую в современной краеведческой литературе: *«После взятия войсками Ивана Грозного Казани татарский князь Урюп, спасаясь бегством, был настигнут на Хопре казачьим атаманом Ермаком Тимофеевичем, будущим покорителем Сибирского ханства. Между богатырями произошла смертельная схватка. Именитый татарин увяз в болоте и был пленен Ермаком. С той поры у местного казачества возникла поговорка: «Увяз как Урюп». А место того жестокого поединка стали называть Урюпинским»* [У руба на Хопре 1997, 13].

В другой краеведческой версии о поединке не упоминается, акцент делается на попытке князя уйти от преследования Ермака по болотам[3]. Никакими историческими источниками легенда не подтверждается. Здесь наряду с историческими лицами XVI в. Иваном Грозным и Ермаком появляется и вымышленный персонаж — татарский князь Урюп. Город же был основан в XVII в. (1618).

Река Щелкан — единственный региональный гидроним, который народная этимология связывает с реальным историческим лицом. Легенда о его гибели является предметом народной молвы, в которой образ хана мифологизируется: он становится духом реки, ее «хозяином»: *«…Ой, внучек, да кто его знает, почему. Никто точно и не знает, почему нашу речку так назвали. Много есть мнений*

[3] *«Урюп пошел по болотам, но в итоге увяз, и его пленил Ермак. Когда казак доставал татарина из вязкой жижи, он приговаривал: "Попался, Урюп! Не пустили тебя наши болота!". Вскоре болота осушили, а тот участок, где когда-то был пленен татарский князь, стали называть Урюпинским»* (Валентина Тихонова, краевед, Урюпинск. URL: http://smartnews.ru/ (дата обращения: 20.12.2022)).

на этот счет. Да и не до того было. Речка, она и есть речка. Время тяжелое было, после войны, люди только-только оклемались. По-разному толкуют. Я когда замуж вышла в 65 г., Коля, мой муж, говорил о каком-то татарском или монгольском хане, вроде он утонул в реке. Звали его то ли Чолхан, то ли Шолхан, то ли Щелкан. Он хотел переплыть реку. Но кони и люди выбились из сил. Сам утонул и войско погубил. Вот и назвали нашу речку его именем. Эту байку мне еще мама моя рассказывала. Только давно это было. Мне, может, лет 10 или 12 было. Сколько лет прошло, разве все упомнишь. А еще я помню, когда мы заплывали далеко, мальчишки да иногда и взрослые кричали нам: "Ща-а-с, хан за ноги схватит!". Стра-а-шно было, быстро на берег возвращалися. Здоровые были, а все верили в байки. А потом уже мы своих детей пугали. Визг стоял на всю речку!

Да, вот еще что вспомнила. Это уже, наверное, где-то в 50-е гг. было. А может, позже. Утонул в реке рабочий — вызвали водолазов, долго не могли найти тело. А сосед наш, Царство ему Небесное, то ли в шутку, а то ли всерьез сказал, что это Щелкан жертву потребовал. Мы потом еще до-о-о-лго боялись даже к речке подходить.

Ой! А еще говорят, что речка эта неровная, много извилин. Если плыть на лодке по реке, приходится прыгать по неровностям, как на коне скакать. Потому и прозвали ее Щелк-а-а-н. А что правда из этого, вот и не знаю я» (Зап. от Людмилы Васильевны Рындиной, 1941 г.р., с. Козловка, Руднянский р-н, Волгоградская обл. Соб. Е. А. Ревенко. 2022 г.).

Опрос информантов, проведенный студентами ВГСПУ во время фольклорной практики в Руднянском районе, показал, что легендарный сюжет активно бытует там в учительской среде.

Краеведу Владимиру Алимпиевичу Гончарову его поведал в 1974–1975 гг. Николай Васильевич Долганов (1923–2001), школьный учитель истории и труда, проживавший в п. Русская Бундевка Руднянского района (поселение расположено в непосредственной близости от р. Щелкан). Дочери Н. В. Долганова Татьяне Николаевне Ломакиной сюжет был известен не только от отца, но и от деда. Информантка привела и другую топонимическую легенду, основанную на народной этимологии: «*…войско завоевателей было настолько огромным, что кони во время похода насыпали песчаные холмы, так называемые* шиханы, *в окружении которых протекает Щелкан*» (Зап. от Татьяны Николаевны Ломакиной, 1950 г.р., п. Большое Судачье, Руднянский р-н, Волгоградская обл. Соб. Т. А. Гончарова. 2018 г.). Анатолий Алексеевич Лемешкин, учитель истории из с. Лемешкино, легенду услышал от своего отца Алексея Степановича. Информант рассказал, что она укрепилась в его сознании и сознании окружающих после того, как «*в с. Кленовка соседнего Жирновского района, расположенном на правом берегу р. Щелкан, были проведены раскопки, в результате которых обнаружили древние могилы высокопоставленных представителей Золотой Орды*» (Зап. от Анатолия Алексеевича Лемешкина, 1947 г. р., с. Лемешкино, Руднянский р-н, Волгоградская обл. Соб. Т. А. Гончарова. 2018 г.). Это, помимо раскопок 1920-х гг., и послужило материальным доказательством пребывания здесь монголо-татар. Археологические находки могли стать благодатной почвой для порождения легенды.

Данные опросов позволяют утверждать, что сейчас основными источниками распространения топонимического легендарного сюжета в районе являются школа и краеведы — любители истории родного края.

Так, собиратель руднянского фольклора, студент ВГСПУ, местный уроженец Михаил Михайлович Деревягин, сюжет о потоплении Щелкана «*впервые услышал после 7 класса в школьном летнем лагере от одной из воспитательниц. <…> Запомнил, что тело хана подняли со дна реки и похоронили возле одной горы. А лет 12–15 назад во время раскопок там нашли его шлем*» (Самозапись от Михаила Михайловича Деревягина, 2004 г.р., р.п. Рудня, Руднянский р-н, Волгоградская обл. 2022 г.). На школьный источник распространения сюжета указала и односельчанка собирателя: «*В эту версию не знаю: верить, не верить, но это передалось в народе. Названа эта красавица по имени Сарматского (sic!) хана Щелхана, очень созвучно это слово с Щелканом и Щелоханом (кто называл из жителей Челхан, тоже может же быть), вроде как вот этого хана, очень созвучны эти слова. И, значит, который похоронен в наших краях, в Кургане у реки. А Курган*

у реки у нас где? Холодная гора. <Соб.: От кого и когда вы услышали об этом?> *Прочитала в краеведческом журнале или услышала от учителя географии Абраменко Андрея Михайловича в Подкуйковской школе, когда училась. Он был заядлым краеведом.* <Соб.: Как давно, по вашему мнению, бытует этот сюжет?> *Когда монголо-татары были, тогда и бытовал сюжет этот»* (Зап. от Зинаиды Николаевны Субботиной, 1947 г.р., с. Подкуйково, Руднянский р-н, Волгоградская обл. Соб. М. М. Деревягин. 2022 г.).

Представительница ТОС «Щелканский», проживающая в северной части р.п. Рудня, которую в народе по имени реки называют *Щелканом*, рассказала о новых формах бытования легенды в современной культурной жизни района: «*На одном из фестивалей ТОСов она, с некоторыми отступлениями от сюжета, инсценировалась*» (Зап. от Нины Алексеевны Сухомлиновой, 1950 г.р., р.п. Рудня, Руднянский р-н, Волгоградская обл. Соб. Т. А. Гончарова. 2018 г.).

Таким образом, легенда о потоплении Щелкана стала неотъемлемой частью местного фольклора.

Тема монголо-татарского нашествия актуальна и для топонимических преданий регионов, которых оно никак не коснулось. «Фольклорная ремотивация топонимов, обыгрываемых в этих текстах, является ложной с точки зрения первичных мотивов именования» — таков итог сопоставления топонимических преданий вологодско-костромского пограничья с отраженными в них историческими фактами [Березович 2018, 115]. Например, название р. Сиченая объясняется сечей с монголо-татарами, никогда в этих местах не бывавшими.

В ходе записи современных топонимических преданий на Новгородчине фольклористы записали текст, «где в роли древних иноземных врагов вместо обычной для этих мест литвы выступили монголы» [Штырков 2012, 38]. Источником порождения подобных текстов, как выяснили собиратели, стала учительница, долгие годы преподававшая в местной школе. Она считала, что здесь прошло монгольское нашествие: «“Дак все вот говоря[т], что монголы шли. Нас монгольско… монголы… все завоеванье, говорили, что монголы, монголы” <…>. Авторитет учительницы, по всеобщему убеждению — знатока прошлого, стал в данном случае фактором, определившим вытеснение одного термина другим. Интересно, что одна из жительниц деревни была даже уверена в том, что ее отец участвовал в какой-то дореволюционной монгольской войне» [Там же].

Особое значение в топонимических преданиях приобретают имена исторических персонажей. В устных рассказах об исторических событиях, содержащих топонимы, «отдельные сюжетные звенья текста забываются и выпадают, но усиливается роль мнемотехнически и семиотически сильных деталей, особенно тех, которые извлекаются из внутренней формы топонимов (например, имена героев)» [Березович 2018, 128].

Сюжет о потоплении вражеского войска и его предводителя в классическом русском фольклоре, насколько нам известно, не встречается. Его негативным коррелятом являются исторические песни и предания о смерти завоевателя Сибири Ермака, который тонет во время ночного боя с татарами (см. подробнее: [Блажес 2002, 51–54]).

Косвенные аналогии типологического характера можно провести лишь с книжными и фольклорными версиями библейского сюжета о преследовавшем Моисея во время исхода из Египта и потонувшем в Чермном (Красном) море войске фараона. Однако фольклорные версии получают легендарную окраску: библейский сюжет дополнен в них сообщением о том, что утонувшие египетские воины превратились в «фараонов» — необычных существ, которые до пояса люди, а хвост имеют рыбий. Они якобы явились родоначальниками водяных [Кузнецова 2012, 13]. Литературный сюжет о потоплении войска как отмщения за гордость его предводителя есть в житийном рассказе Киево-Печерского патерика «О святом Григории-чудотворце». Князь Ростислав Всеволодович, идущий вместе со своим братом Владимиром в поход на половцев, приказывает утопить блаженного, укорившего княжеских воинов за срамные слова и предсказавшего им и князю, похвалявшемуся умением плавать, смерть в воде. Владимир приходит в монастырь покаяться, Ростислав отказывается и несет наказание — во время боя утопает со всем своим войском в реке. «Что человек посеет, то и пожнет. Таково гордым отмщение,

которым Господь противится, а смиренным дает благодать», — заключает повествователь [Памятники 1980, 537], перефразируя Евангелие: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак. 4, 6; I Кор. 5, 5). Тем самым акцентируется мотив наказания за похвальбу и гордость.

При всех сюжетных различиях исторической песни и топонимической легенды о смерти Щелкана у них есть одно общее художественное свойство — иронический тон в изображении его гибели. Б. Н. Путилов справедливо замечает, что в песне «Дютькозлять не просто побеждает татарина, победа эта сопровождается унижением и посрамлением Щелкана» [Путилов 1958, 55]. В другой версии песни, после того как Щелкан берет принесенные братьями Борисовичами дары горожан, «Зачванелся он, загорденился». И братья Борисовичи «с ним раздорили: / Один ухватил за волосы, / А другой за ноги, / И тут ево разорвали» [Кирша Данилов 1977, 27]. Ироническая окраска присутствует и в топонимической легенде о смерти Щелкана: он наказан, как и в песне, за свою гордость и самоуверенность. «*Посмотрел Щелкан налево-направо и решил реку переплывать, а войско устало, кони устали, полезли они в воду да там все и утонули*» — так заканчивается легендарный рассказ о родственнике великого хана Узбека[4].

Возможно, здесь имеет место и неявное пародирование образа исторического героя, которое как форма трансформации традиционного сюжета «ведет непосредственно к возникновению новых сюжетов, ситуаций, образов, в конечном счете — новых художественных концепций» [Путилов 1994, 215].

В данном случае, как нам представляется, речь может идти о так называемой *вторичной* фольклоризации образа исторического лица. Сюжет песни о нем отражается с вариациями в летописной «Повести о Шевкале», затем, наряду с летописными источниками, излагается в исторических научных трудах, включая «Историю России с древнейших времен» С. М. Соловьева, в школьных и вузовских учебниках по истории и литературе, в популярной исторической литературе. Во всех этих письменных и книжных нарративах сюжетной кульминацией рассказа о Щелкане является мотив бесславной гибели могущественного баскака. Именно он, на наш взгляд, мог существенно повлиять на процесс создания оригинальной топонимической легенды о р. Щелкан. Книжный образ исторического персонажа в фольклорном сознании местных жителей сделал его имя нарицательным, археологические находки оживили интерес к золотоордынской эпохе, и рассказ о гибели Щелкана получил новую жанровую и сюжетную реализацию.

Эти, по терминологии К. В. Чистова, «вторичные формы» [Чистов 1986, 47] характерны не только для русского, но и для современного зарубежного фольклора. Так, например, в новогреческом фольклоре возникли топонимические предания и легенды, связанные с историческими событиями и личностями Древней Греции (Сократ, Гомер, Гиппократ, Марафонская битва и др.). Поскольку они с этими регионами никак не были связаны, речь должна идти о фольклорной «параэтимологии» [Климова 2019, 102].

Процесс фольклоризации книжного (академического и школьного) исторического знания и возникновение на его основе новых фольклорных сюжетов («явление бумеранга») «являются важными детерминантами функционирования современного фольклора» [Штырков 2012, 35]. Эта, по выражению исследователя, «наивная историография» влечет за собой варьирование и трансформацию прецедентного текста.

Такого рода трансформации приводят «…к качественным изменениям, к возникновению нового структурно-содержательного целого со своим собственным значением. Трансформационный процесс, как и варьирование, совершается при органической опоре на традицию». Она «оставляет в новообразованиях различные следы, которые явно или имплицитно присутствуют в сюжетике, языке, семантике. <…> Традиция так или иначе включена в новый контекст и освещает его из своей глубины» [Путилов 1993, 101].

При радикальной трансформации песенного исторического сюжета о Щелкане в современной топонимической легенде именно художественные принципы

[4] Ср. мотив потопления героя за его хвастовство в балладе «Молодец и река Смородина».

изображения ее персонажа сохраняют в новом контексте наиболее отчетливые следы традиции.

Семантический ореол исторического имени стимулирует порождение новых сюжетов топонимических легенд и преданий, связывающих мифологию локального ландшафта со знаменательными событиями и образами национальной истории.

Источники и материалы

Арзютов 1926 — *Арзютов Н.* Памятники Золотоордынской эпохи в Нижнем Поволжье по данным раскопок и разведок в 1924 году // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Вып. 35. Ч. 1-я (Археологический сборник). Саратов: Издание Н.-Волж. обл. науч. об-ва краеведения, 1926. С. 67–78.

АЭ 2016 — Археологическая энциклопедия Волгоградской области. 2-е изд. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2016.

Кальянов 1965 — *Кальянов В. С.* Отчет о раскопках двух курганов у с. Клёновки Жирновского района Волгоградской области в 1965 г. // Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Отчеты о полевых исследованиях. Каталог. 1965–1968 гг. / Отв. ред. Н. А. Макаров, П. Г. Гайдуков. М.: ИА РАН, 2013. С. 109.

Карасева 2011 — Лингвокраеведение в аспектах славянской филологии. Ч. II. Гидронимия Воронежской области: Учеб.-метод. пособие для вузов / Сост. Т. В. Карасева. Воронеж: Изд.-полигр. центр ВГУ, 2011.

Кирша Данилов 1977 — Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым. М.: Наука, 1977.

Козинец 2015 — *Козинец С. Б.* Топонимический словарь Саратовской области. Саратов: Саратовский источник, 2015.

Крюкова, Супрун 2002 — *Крюкова И. В., Супрун В. И.* Реки и водоемы Волгоградской области: Гидронимический словарь. Волгоград: Перемена, 2002.

Минх 1902 — *Минх А. Н.* Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1. Вып. 4. Аткарск, 1902.

Орлова 2004 — Топонимические предания Воронежской области. Вып. 2 / Сост. Е. А. Орлова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004.

Памятники 1980 — Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.: Худож. лит., 1980.

Русская историческая песня 1987 — Русская историческая песня: Сб. / Вступ. ст., подгот. текста и прим. Л. И. Емельянова. Л.: Сов. писатель, 1987.

У руба на Хопре 1997 — У руба на Хопре: Исторические очерки и хроника летописи города Урюпинска / Сост. В. Приходченко, А. Ломакин и др. Волгоград: Комитет по печати и информации, 1997.

Фасмер 1973 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. IV. М.: Прогресс, 1973.

Исследования

Азбелев 2008 — *Азбелев С. Н.* Историческая песня о тверском антиордынском восстании 1327 года // Михаил Ярославич Тверской — великий князь всея Руси. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. С. 111–116.

Березович 2015 — *Березович Е. Л., Кучко В. С., Сурикова О. Д.* Топонимическое предание и исторический факт (на материале преданий о разбойниках восточного Вологодско-Костромского пограничья) // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). С. 108–133.

Блажес 2002 — *Блажес В. В.* Фольклор Урала: Народная история о Ермаке (исследования и тексты). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.

Будовниц 1960 — *Будовниц И. У.* Летописные повести и «Песня о Щелкане Дудентьевиче» // Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 377–383.

Воронин 1944 — *Воронин Н. Н.* Песня о Щелкане и Тверское восстание 1327 г. // Исторический журнал. 1944. № 9. С. 75–82.

Голованов 2012 — *Голованов И. А.* Жанровые преломления категории времени в фольклорной прозе // Жанровые трансформации в литературе и фольклоре: Кол. монография / Т. Н. Маркова, И. А. Голованов и др.; Под общ. ред. Т. Н. Марковой. Челябинск: Энциклопедия, 2012. С. 16–34.

Долгачев 1989 — *Долгачев И. Г.* Язык земли родного края. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1989.

Егоров 1985 — *Егоров В. Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985.

Климова 2019 — *Климова К. А.* «Темница Сократа» и «дворец святой Пенелопы»: новогреческие народные исторические топонимические легенды // III Всерос. конгресс фольклористов (Москва, 3–7 февраля 2014 г.): Сб. науч. ст.: В 5 т. Т. 4: Российская фольклористика в XXI веке. Перспективы развития. М., 2019. С. 97–104.

Кузнецова 2012 — *Кузнецова В. С.* О Моисее и «фараонах»: фольклорные и книжные версии сюжета // Сибирский филологический журнал. 2012. Вып. 4. С. 5–14.

Путилов 1958 — *Путилов Б. Н.* Песня о Щелкане // Русский фольклор. Вып. III. М.; Л.: АН СССР, 1958. С. 46–68.

Путилов 1993 — *Путилов Б. Н.* Пародирование как тип эпической трансформации // От мифа к литературе: Сборник в честь 75-летия

Елеазара Моисеевича Мелетинского / РГГУ. М.: Рос. ун-т, 1993. С. 101–116.

Путилов 1994 — *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

Чистов 1986 — *Чистов К. В.* Традиционные и вторичные формы и проблемы современной культуры // Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Л.: Наука, 1986. С. 43–56.

Штырков 2012 — *Штырков С.* Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб.: Наука, 2012. (Kunstkamera Petropolitana).

© А. Х. Гольденберг, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гольденберг А. Х. https://orcid.org/0000-0003-2149-7522

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета: Российская Федерация, 400005, г. Волгоград, пр-т им. В. И. Ленина, д. 27; тел.: +7 (8442) 60-28-24; e-mail: goldenberg48@mail.ru

From Historical Name to Toponymical Legend: Transformation of an Historical Plot in Modern Folklore

Arkadii Kh. Gol'denberg

(Volgograd State Social-Pedagogical University:
27, V. I. Lenin av., 400005, Volgograd, Russian Federation)

Summary. *This article analyzes the transformation of the plot about the death of the hero of the historical song "Shchelkan Dudentevich" into a modern toponymic legend about the river Shchelkan which exists in the Volgograd region. We may consider this a process of secondary folklorization, reflecting the influence of book knowledge on the creation of a new folklore story about the inglorious death of the Golden Horde's Baskak Shchelkan in the river. The story of his murder by Tver citizens in 1327, reflected in an early version of the song, is first found in ancient Russian chronicles, and from there made its way into historical works and school and university textbooks. In modern folklore, it is radically transformed within the generic field of a toponymic legend. Book knowledge creates a semantic halo around the historical name, which stimulates the emergence of new plots connecting the mythology of the given landscape to significant events in national history.*

The role of the Mongol-Tatar heritage in the hydronymy of the Volgograd region offers possible reasons for attaching the personality of a historical person to the mythology of the local landscape. The legend of his drowning has become the subject of popular anecdotes in which Shchelkan's image is mythologized: he becomes the spirit of the river, its "master". School teachers and local historians are the main sources and popularizers of these notions; most of the author's informants point to them. Archaeological excavations of Golden Horde burials on the Shchelkan River might also have had an indirect impact. Despite all of the plot differences between the historical song and the toponymic legend about the death of Shchelkan, they have a common artistic property — an ironic tone in the depiction of his death. Thus even in the context of a new genre and plot, modern folklore remains true to tradition, preserving some of the artistic principles of depicting a historical character.

Key words: *Shchelkan, historical song, toponymic legend, implicit parody, transformation, secondary folklorization.*

Received: January 25, 2023.

Date of publication: September 25, 2023.

For citation: Gol'denberg A. Kh. From Historical Name to Toponymical Legend: Transformation of an Historical Plot in Modern Folklore. *Traditional Culture.* 2023. Vol. 24. No. 3. Pp. 124–133. In Russian.

DOI: https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.3.010

References

Azbelev S. N. (2008) Istoricheskaya pesnya o tverskom antiordynskom vosstanii 1327 goda [The Historical Song About the Tver Anti-Horde Uprising of 1327]. In: Mikhail Yaroslavich Tverskoi — velikii knyaz' vseya Rusi [Mikhail Yaroslavich Tverskoy, Grand Duke of All Russia]. Tver: Tver. gos. un-t. Pp. 111–116. In Russian.

Berezovich E. L., Kuchko V. S., Surikova O. D. (2015) Toponimicheskoe predanie i istoricheskii fakt (na materiale predanii o razboinikakh vostochnogo Vologodsko-Kostromskogo pogranich'ya) [Toponymic Tradition and Historical Fact (Based on the Oral Tradition About the Bandits on the Eastern Vologda-Kostroma Border)]. *Voprosy onomastiki* [Onomastic Questions]. 2015. Vol. 14. No. 1 (18). Pp. 108–133. In Russian.

Blazhes V. V. (2002) Fol'klor Urala: Narodnaya istoriya o Ermake (issledovaniya i teksty) [Folklore of the Urals: A Folk Story About Ermak (Studies and Texts)]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. In Russian.

Budovnits I. U. (1960) Obshchestvenno-politicheskaya mysl' Drevnei Rusi (XI–XIV vv.) [Socio-Political Thought of Ancient Russia (Eleventh–Fourteenth Centuries)]. Moscow: Izd-vo AN SSSR. In Russian.

Voronin N. N. (1944) Pesnya o Shchelkane i Tverskoe vosstanie 1327 g. [The Song About Shchelkan and the Tver Uprising of 1327]. *Istoricheskii zhurnal* [Historical Journal]. 1944. No. 9. Pp. 75–82. In Russian.

Golovanov I. A. (2012) Zhanrovye prelomleniya kategorii vremeni v fol'klornoi proze [Genre Refractions of the Category of Time in Folkloric Prose]. In: Zhanrovye transformatsii v literature i fol'klore: kollektivnaya monografiya [Genre Transformations in Literature and Folklore: A Collective Monograph]. Ed. by T. N. Markova. Chelyabinsk: Entsiklopediya. Pp. 16–34. In Russian.

Dolgachev I. G. (1989) Yazyk zemli rodnogo kraya [The Language of the Native Land]. Volgograd: Nizh.-Volzh. kn. izd-vo. In Russian.

Egorov V. L. (1985) Istoricheskaya geografiya Zolotoi Ordy v XIII–XIV vv. [Historical Geography of the Golden Horde in the Thirteenth-Fourteenth Centuries]. Moscow: Nauka. In Russian.

Klimova K. A. (2019) "Temnitsa Sokrata" i "dvorets svyatoi Penelopy": novogrecheskie narodnye istoricheskie toponimicheskie legendy ["Socrates' Dungeon" and "St. Penelope's Palace": Modern Greek Popular Historical Toponymic Legends]. In: III Vserossiyskiy kongress fol'kloristov (Moskva, 3–7 fevralya 2014 g.): Sbornik nauchnykh statey: V 5 t. T. 4: Rossiiskaya fol'kloristika v XXI veke. Perspektivy razvitiya [Proc. of the 3rd All-Russian Congress of Folklorists (Moscow, February 3–7, 2014): Collection of Scholarly Articles: In 5 vols. Vol. 4: Russian Folkloristics in the Twenty-First Century. Prospects for Development]. Comp. by V. E. Dobrovol'skaya, A. B. Ippolitova. Ed. by A. V. Lobanova. Moscow. Pp. 97–104. In Russian.

Kuznetsova V. S. (2012) O Moisee i "faraonakh": fol'klornye i knizhnye versii syuzheta [On Moses and the "Pharaohs": Folkloric and Book Versions of the Plot]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Philological Journal]. 2012. No. 4. Pp. 5–14. In Russian.

Putilov B. N. (1958) Pesnya o Shchelkane [The Song About Shchelkan]. *Russkii fol'klor* [Russian Folklore]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: AN SSSR. Pp. 46–68. In Russian.

Putilov B. N. (1993) Parodirovanie kak tip epicheskoi transformatsii [Parody as a Type of Epic Transformation]. In: Ot mifa k literature: Sbornik v chest' 75-letiya Eleazara Moiseevicha Meletinskogo [From Myth to Literature: A Collection in Honor of the 75th birthday of Eleazar Moiseevich Meletinsky]. Moscow: Rossiiskii un-t. Pp. 101–116. In Russian.

Putilov B. N. (1994) Fol'klor i narodnaya kul'tura [Folklore and Folk Culture]. St. Petersburg: Nauka. In Russian.

Chistov K. V. (1986) Narodnye traditsii i fol'klor [Folk Traditions and Folklore]. Leningrad: Nauka. In Russian.

Shtirkov S. (2012) Predaniya ob inozemnom nashestvii: krest'yanskii narrativ i mifologiya landshafta (na materialakh Severo-Vostochnoi Novgorodchiny) [Legends About Foreign Invasion: Peasant Narrative and Mythology of the Landscape (Based on Materials from the North-Eastern Novgorod Region)]. St. Petersburg: Nauka. In Russian.

© A. Kh. Gol'denberg, 2023

ABOUT THE AUTHOR

Arkadii Kh. Gol'denberg https://orcid.org/0000-0003-2149-7522
E-mail: goldenberg48@mail.ru
Tel.: +7 (8442) 60-28-24
27, Lenin av., Volgograd, 400066, Russian Federation
Doctor of Philology, Professor, the Department of Literature and Teaching Methods, Volgograd State Social-Pedagogical University

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)